

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ УЛЕЙ

ЧЕЛОВЕК С КОТОМ

ТЕРРИТОРИЯ ВЕЗУЧИХ

ЦВЕТ ЕЁ ГЛАЗ

ШЕСТЬ ДНЕЙ СВОБОДЫ

ВНЕШНИК

ДВОЙНИК

ИГРА В КОШКИ-МЫШКИ

ВАЛЬТЕР

СУЩЕСТВОВАНИЕ

Артем КАМЕНИСТЫЙ

S-T-I-K-S
СУЩЕСТВОВАНИЕ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована
работа художника *О. Юдина*

Каменистый, Артем.

К18 S-T-I-K-S. Существование : [фантастический роман] /
Артем Каменистый. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-097419-1

Восемь лет в клетке. Восемь лет нескончаемой боли и полной беспомощности. Восемь лет мучительных издевательств и слез, которые не способны смочить пересохшие глаза. И вот он — миг свободы. Как и полагается мигу, он краткий, дальше не будет страданий, дальше смерть от рук тех, для кого ты — всего лишь развлечение, редкий кадр для альбома. Но даже мига достаточно для того, у кого не осталось ничего, кроме злости и жажды мщения, и кто легко может превратиться из дичи в самого страшного охотника S-T-I-K-Sa...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Каменистый А., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097419-1

Глава 1

— Не, ну ты только посмотри на него. На что это похоже?

— В смысле, мордой? Копия твоей бывшей.

— Слышь, клоун, ты задрал уже. Я серьезно.

— Если серьезно, он похож на жареную котлету.

— Во-во. И он реально не подох. Да он, получается, не просто урод, он, блин, урод бессмертный.

Звуки. Нехорошие звуки. Звуки, от которых хочется съежиться в комок, или даже больше — в крохотную точку, а лучше вообще перестать существовать. Звуки связаны с чем-то невообразимо скверным, но с чем именно — непонятно. Не получается вспомнить.

И даже не хочется вспоминать.

— Давай еще разок его шваркнем? Четко он дымится.

— Да уймись ты уже, хватит с него, давай просто посмотрим, как и что с ним дальше будет. Нормально получилось, башка дымится, а сам живой. По ходу, ослеп, глаза вообще никакие, закатившиеся.

Это не просто звуки, это голос. Два голоса. И он понимает каждое слово, но при этом не видит в них ни малейшего смысла.

Голоса? И кто же это говорит? Надо посмотреть.

— Не, ну ты погляди на его глаза. Да это ж охренеть!

— И чего я там не видел?

— Да ты глянь, зрачки меняются. Ну ты понял? У нашей котлеты зрачковый рефлекс заработал. Похоже, нервы припекло, конвульсивное сокращение пошло. Полный овощ, у него, считай, только легкие и сердце сами пашут, без стимуляции. Но овощ реально живучий, восемь лет его режут и пилят, на хлопьях и метаноле держат, а он все не поддыхает.

— И че, реально восемь лет, вот так, кучей дерьма провалялся?

— Я тебе что, врал когда-нибудь? Сам посмотри в журнале, если буквы еще не забыл.

— Да он и правда бессмертный какой-то. Вот же урод, и глаза у него уродские. Не, давай еще раз шваркнем, он как-то хреново на меня косится.

Голый бетон стен и потолка, местами на нем проступают ржавые разводы. Сыро и сумрачно. Краем зрения задевая пару переговаривающихся фигур, он не может разглядеть подробности. На глаза будто пелена опустилась, она прозрачная лишь частично, почему-то позволяет прекрасно видеть, что располагается впереди, а вот по бокам все размывается.

Надо попробовать повернуть голову. Что-то подсказывает — из этой затеи ничего не выйдет, он даже было ухватился за ниточку, которая могла привести к воспоминанию о прошлом, но тут же ее упустил.

Ему надо вспомнить хоть что-нибудь. Кто он такой? Что это за место? Почему он почти ничего не

видит? По какой причине голова раскалывается от нестерпимой боли, волнами накатывающей от пылающего жарким пламенем затылка?

Он не помнил абсолютно ничего, но при этом понимал каждое слово, высказанное людьми, которых тщетно силился разглядеть.

Людьми? А кто такие люди?

Почему голова отказывается поворачиваться? Такое впечатление, будто ее в тиски зажало.

И что такое тиски?

Слишком много разных вопросов. Безответных.

— Да убери ты эту хрень, сказал же — хватит с него.

— Ну разок-то можно? Ты чего как неродной, жалко стало, что ли?

— Сказано тебе — убрал! Живо убрал! Угомонись, пока опять под залет не попали. Да задрал ты меня уже — косяки твои, а вешают на нас. Ты что, всю жизнь собрался в этой заднице проторчать?

— Ты реальную задницу не видел еще, как по мне, здесь почти норма.

— Ну и сиди здесь, если так нравится, но на меня не рассчитывай, я отсюда быстро свалю.

— Что вы здесь делаете? — голос новый, строгий, громкий, уверенный.

— Да ничего, просто Трэша проверяли, — ответили торопливо, лебезя. — Дежурный обход, вот, смотрим, надо все проверить.

— Трэша?

— Ну, в смысле, особь двадцать четыре сто шесть, проект «Веган».

— С каких это пор он стал Трэшем?

— Да мы его так между собой называем, по-простому. Раньше Випом был, он ведь вроде как особо важная персона, сами знаете, откуда к нам попал. Все серьезно. Ну а потом стал Веганом. Ему ведь мясо вообще не давали, даже когда судороги начались и пена из пасти пошла. Но как подросток, Трэш прилипло, он ведь реально трэшевый¹.

— И что вы с ним такое вытворили? А? Почему от него горелым несет?

— Так мы это... Ну... обход же...

— Ну-ка, что тут у нас... Да вы совсем рехнулись?! Какой недоделок дал вам наряд на эксперименты с электрошоком?!

— Да все нормально, мы тут часто с ним так делаем, он после только спит крепче. — Ответ оправдывающегося был торопливым, заискивающим, а голос спрашивающего наполнялся негодованием от слова к слову.

— Постоянно?! Да вы что — совсем с головами дружить перестали?!

— Ну так это... Электроды тут так и стояли, вчера ему еженедельный шок делали, снять забыли. Ну и мы как бы по привычке...

¹ Трэш (от англ. trash — мусор) — в данном контексте — направление современного искусства, отличающееся намеренной вульгарностью и примитивнейшей пародийностью. Главным образом, подразумевается кино, переполненное штампами, в том числе низкобюджетные фильмы, где сюжет в основном заключается в жестоком уничтожении всех или большей части героев картины разного рода психопатами, неправдоподобными мистическими сущностями, дешево выглядящими монстрами и пр.

— По привычке?! — перебил уже откровенно взбесившийся голос. — Да какой недоделанный дебил надумил вас, баранов тупоглазых, переставить электроды на затылок?! Вот, полюбуйте, посмотрите, что вы с ним сделали! Сюда смотрите, чего рожи отворачиваете?! Да вы не люди, вы ошибки природы. Скажите-ка, что мне теперь с этим делать?! А с вами?! Может, на полевую работу отправить?! У нас как раз некомплект, в понедельник половину группы твари сожрали, а оставшихся планируют сожрать в ближайшее время. Вы очень удачно впишетесь в состав, жаль только, что ненадолго.

— Да ничего не будет, сами знаете, какое оно живучее. Да у него регенерация девяносто восемь баллов, восемь лет тренировался восстанавливаться, он быстро очухается.

— Господи, да с кем я сейчас говорю! Вы что, вообще ничего не соображаете?! Вы сейчас кто?! Вы младшие научные сотрудники или жертвы генетической ошибки?! Да здесь не одна, здесь десятки ошибок по вам прошли! Слушайте, а почему бы вам не пожертвовать? А? Ведь получится отличная семейная пара недоумков. Мне бы сейчас машину времени да пару презервативов и слетать к вашим папашам-алкоголикам. Кретины вы беспомощные. Вот вы можете мне назвать хотя бы одно великое научное открытие, сделанное крестинами? Или хоть какое-нибудь, хрен с ним, с величием? Не можете, потому что такого никогда не было и быть не может. Получается, таким, как вы, в науке делать нечего. Все поняли? Так что прямо сейчас готовьтесь к переводу в службу, с глаз моих долой.

— Но господин Кант, прошу прощения, но мы ведь не специально. Так получилось.

— Ну да, конечно, этот кусок гнили прогулялся немного и решил поджарить себе затылок, а вы, получается, просто мимо проходили. За кого вы меня держите, а? Да среди нас всего два идиота, и я точно не один из них.

— Никогда такого не было, первый раз. Я сам в шоке, как такое вообще могло получиться. Нормально же всегда все было. Может, ему витаминов не хватает или, там, дефицит кальция, вот и прожгло мешок.

— Если вам, дегенератам, так не терпится кого-нибудь поджарить, надо хотя бы для приличия проверять выставленное напряжение! Вы же оба реостата выкрутили до отказа! Оба! Да вы нас чуть без света не оставили, гниды одноклеточные! Оба в обслугу пойдете тухлятину граблями таскать, если ваш Трэш подойдет! Что вы, вообще, себе позволяете?! О чем вы, извращенцы, думали, когда это делали?! Вот-вот подъедет полковник с новой группой залетчиков, а тут у нас цирк с бесплатными клоунами. И что прикажете им говорить?!

— Ну так это даже лучше. Как увидят, так сразу и дисциплинируются.

— Шутки шутишь? Ну шути-шути... В обслугу. Оба. На швабры и тухлятину. А если полковник что-то скажет, одно его слово, единственное слово, всего одно, и вы на полевые работы уйдете. Не, какие, на хрен, работы. Сразу на филиал. Сразу! Все поняли? И радуйтесь, если дело ограничится филиалом не выше шестого. У нас тут как раз на двенадцатом чудесные новости,

он занял первое место в номинации «Жопа всех жоп». У них, говорят, дерьмо разгребать некому. Там вы сами тухлятину жрать научитесь. Быстро научитесь, да. Там вы, уроды, еще и добавку клянчить будете. Марш с глаз моих долой!

* * *

Лебедка со звоном наматывала цепь, заставляя решетку подниматься вертикально. Трэш, продолжая пытаться что-то рассмотреть через уже слегка прояснившуюся пелену, понял, что его тело меняет положение. Вот-вот ноги окажутся под потолком, а макушка уставится вниз.

В голову, само собой, прилила вся кровь, и это плохо, это усилило боль в затылке до такой степени, что Трэш не выдержал и застонал. Но из груди вместо стона вырвалось нечто другое: утробное хрипловатое урчание, звук омерзительный и неожиданно гулкий, будто из пустой бочки раздавался.

Что-то не так. Это откровенно чужой голос. Его глотка не способна извергать подобное. Не может такого быть.

Хотя откуда ему знать? Точно неизвестно, лишь какие-то неуловимые отголоски воспоминаний мелькают. Не исключено, что это как раз вполне естественно.

Память о себе так и не возвратилась, поэтому предполагать можно что угодно.

Послышался новый звук — в тело ударила тугая ледяная струя, делавшая все, к чему прикасалась, мокрым и холодным. На голову обрушились потоки воды, Трэш начал жадно захватывать ее непослушными, еле-еле

шевеливающимися губами, пытаясь погасить огонь, так и не затухший на затылке. Но ничего не получалось, мышцы отказывались подчиняться.

Холод неожиданно усилил боль, Трэш снова и снова начал исторгать омерзительное урчание. Терпеть такие издевательства невозможно, от невыносимой муки захотелось вцепиться зубами в цепи, управляющие решеткой.

Но как это сделать, если хотя бы чуть-чуть сдвинуться с места не получается. Да у него даже губы и язык каменные, будто чужие.

Однако имеется в происходящем несомненный плюс — после того как вода прошла по глазам, зрение значительно улучшилось, и Трэш наконец сумел разглядеть фигуру человека со шлангом. Безобразно толстый, давно небрит, щетина засаленная и растет невзрачными клочками. От воды тело защищено замусоленным фартуком и высокими резиновыми сапогами. Со стороны грузной фигуры несет воню не дружащего с гигиеной тела, залежалым мясом и...

И страхом. Оказывается, у страха тоже есть запах, и Трэшу он откуда-то знаком.

Голова закреплена во все тех же тисках, ее не развернуть ни на миллиметр. Но и без этого понятно, что тело надежно приковано к решетке, ни ногой, ни рукой не пошевелить, даже мышцы в конечностях отказываются сокращаться. Положение болезненное и до крайности неудобное, поэтому улучшившееся зрение не помогает разглядеть подробности места, где Трэша истязают холодной водой и ржавыми цепями. Все те же бетонные стены со всех обозримых сторон, дву-

створчатые широченные двери, скорее даже — ворота гаража для грузовиков, запыленные светильники в две линии на потолке, причем горят далеко не все. Непонятно, что за место и где оно расположено. С равным успехом это может оказаться подсобным помещением какой-то фабрики или секретным бункером, укрытым на глубине в десятки метров.

Очень хотелось попросить вернуть тело в прежнее — горизонтальное положение. Но из головы почему-то вылетело все, что касается связной речи. Нет, Трэш прекрасно понимает значения слов, но вот как их произносить — понятия не имеет.

Обе дверные створки распахнулись, на пороге появилось несколько фигур. Две в белых халатах, грязных и мятых, одна в чистом и забавно выглаженном — до тщательно выверенных, острейших стрелок по бокам, и четыре человека во всем зеленом и пятнистом, увешанном металлом. Последние одинаково рослые и широкоплечие, головы скрываются под прозрачными масками, оснащенными массивными фильтрами.

Первый из зеленой четверки недовольным и чуть измененным тонкой пластиковой преградой голосом произнес:

— Почему здесь так сыро? Вы что, решили заняться разведением плесени?

Надо же, оказывается, неудобная с виду маска почти не мешает ему разговаривать.

Человек в чистейшем белом халате указал на неряшливую парочку:

— Прошу прощения, это наши Чип и Дейл опять отличились. Решили посмотреть, что получится, если

приложить подопытному электроды к затылку. Естественно, не поставив никого в известность и даже не представляя, чем напряжение отличается от силы тока. Жаль, что перед этим на себе не испытали, мир стал бы немного чище.

— И что же вышло из... из их смелого эксперимента?

— Первым делом подопытный обделался, поэтому пришлось его мыть, отсюда и сырость. Но главная проблема не в этом. Полковник Зелот, вы только полюбуйтесь на его затылок. Это надо видеть.

Все группа обошла решетку и там остановилась, разглядывая Трэша со спины.

Несколько секунд царила тишина, в которой отчетливо можно было расслышать, как падают капли из поникшего шланга и противно жужжит жирная муха, залетевшая в плафон самого дальнего светильника.

Затем полковник с отстраненным интересом проговорил:

— Не понимаю, почему существо до сих пор не подошло. Даже удар тонким ножом в эту мерзость в большинстве случаев убивает их мгновенно, а тут такое...

— Очевидно, повреждения не настолько серьезные.

— Омар, я вижу, что в затылочном мешке выжгло дыру калибром в полтора дюйма, и не могу даже представить, какое напряжение приложили к электродам, чтобы получился такой результат.

— Не столь уж и много требуется, ткани паразита уязвимы против электричества. Это касается, в том числе, и оболочки спорового мешка.

— Я здесь не первый день и знаю, что твари с такими повреждениями всегда мертвые, а их мешки вы-

потрошены дочиста местным отребьем. Собственно, отсюда и дырки, как-то ведь надо добираться до ценной сердцевины. Может, в этом все дело? Кто-то из ваших людей загорелся желанием легко разбогатеть?

— У нас даже уборщики знают, что мешок у этой особи пустой. И также знают, как их накажут, если они надумают потрошить подопытных.

— Вот и хорошо, что знают. Доктор Омар, будьте добры, оставьте нас ненадолго. И заберите всех своих сотрудников.

Звуки шагов. Уходят три человека. Трэш не понимал, откуда узнал их количество, но сомнений в точности подсчетов не было. А вот и подтверждение — в поле зрения появились фигуры в белых халатах, направляющиеся к дверям. Получается, остались зеленые в масках.

Тот, которого называли полковником Зелотом, выждал долгую паузу и, оставаясь за спиной, в непросматриваемой зоне, раздраженно произнес:

— У меня язык судорогой сводит, когда называю доктором этого шарлатана и садиста.

Послышались неискренние смешки, после чего полковник рывкнул:

— И что здесь такого веселого?!

— Ничего, господин полковник! — четко гаркнули в три голоса.

— Вот видите, слаженно ответили. Получается, умеете вести себя как спаянное подразделение, а не скопище моральных инвалидов, если захотите. Если говорить так, как есть, придется признать, что Омар имеет право называться доктором, он действительно